

ГЛАВА 1

КОРОЛЬ ЗВОНИЛ НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ

Я сидела на деревянных мостках, опустив ноги в воду по косточки. Казалось, я обута в эту речку — на ногах прохладные туфли из текучей воды. И если встану — смогу пройти по гладкой поверхности, выбраться на другой берег, где жуют траву три коровы, одна черно-белая и две рыжие с пятнами.

Был август. Над водой висели стрекозы, каждая над своим неподвижным отражением. Я сидела на рассохшихся деревянных мостках в маленьком пятнышке тени, и это пятнышко понемногу сдвигалось, отступало от воды. Скоро я окажусь на солнце, а это жара, жара...

Уже десять дней я в лагере. Ничего особенного, деревянные домики в редком лесу, до реки топать минут двадцать. Никто нас особенно не развлекает, но и не воспитывает тоже. Сколько угодно можно сидеть на берегу, валяться на траве, бултыхаться в мелкой речке, глядя на коров и стрекоз, смотреть старые фильмы на кассетах, болтать ногами по вечерам на скамейке, скучать, пока девчонки пересказывают сплетни...

Первые дни мне нравилось — после целого лета в пыльном городе. Рядом был Макс Овчинин: он три недели провел на море, вернулся загорелый и веселый, очень довольный собой, потому что в последний день решил прыгнуть с какой-то там скалы. Эта скала в его рассказах становилась все выше, в конце концов получилось, что Овчинин чуть ли не с Ай-Петри сиганул.

Мне скоро надоело его слушать. Да и у него нашлись какие-то новые друзья, какие-то старшие парни, с которыми они вместе ловили рыбу и ходили в поселок, в магазин, за

пивом. Я пива терпеть не могу. Овчинин тоже его не любит. Какую только гадость не станешь в себя вливать, только бы понравиться взрослым друзьям...

Я поболтала ногами в воде, и мои речные ботинки превратились в стаю пузырьков. Он хороший парень, нет между нами никаких обид... А если есть — то по моей вине, я совсем не сахар.

Девчонки загорали на берегу, на расстеленном одеяле. Дальше по течению, в воде по колено, серьезный малыш лет двенадцати ловил рыбу, и за его спиной сидели бок о бок две полосатые кошки, неотличимые, как отражения. Солнце припекало; скоро придется убираться с берега обратно в лагерь. Я улеглась на рассохшееся дерево мостков и надвинула кепку на глаза.

Я маг дороги. С каждым днем это мое знание становится все бледнее, все призрачнее. Скоро я сама поверю, что все мои приключения — выдуманные, пережитые во сне или в мечтах.

За последние несколько месяцев я выросла из всей своей старой одежды. И мне порой кажется, что я из Королевства вырастаю тоже. Я до сих пор помню каждое свое приключение — подробно, но отстраненно, будто я сама прочитала об этом, а не пережила.

Муха села мне на нос. Я отмахнулась, она для приличия взлетела и тут же защекотала лапками щеку. Я попыталась поймать ее в кулак: ее и след простыл. Мухи безмозглые, но прекрасно чувствуют, когда от них просто отмахиваются или когда всерьез примериваются схватить.

Я снова улеглась на доски. У коровы на том берегу позванивал колокольчик — глуховато, сонно. Коровам дан хвост, чтобы отмахиваться от мух...

Трудно представить, что мое Королевство так же реально, как эти коровы, как вода, как жесткий козырек у меня на глазах. Трудно представить...

Наверное, я задремала.

— Лапина!

Очень громкий голос, взволнованный, резкий. Я села, стягивая с головы кепку. Прямо передо мной стояли тяже-

лые ботинки, из них возвышался в небо охранник — знакомый, из лагеря. Секьюрити в лагере было два, они дежурили по очереди и были уже довольно старые, толстые. К счастью, никто на нашу безопасность не покушался.

— Лапина! Ты слышишь?!

Я поднялась.

Охранник был очень красный. Всколоченный — бежал под солнцем всю дорогу от лагеря, это с его-то одышкой! И смотрел он на меня как-то странно. Нехорошо смотрел.

— Там тебя... спрашивают. Быстро к начальнику лагеря. Быстро!

Что-то случилось дома?!

Мама дала мне с собой мобилку, вчера вечером мы разговаривали, и все было в порядке. А утром, собираясь на пляж, я выключила телефон и оставила у директора в сейфе — мы все так делали, у нас ведь на домиках замки совсем смешные...

— Что такое?

— Ничего не знаю. Быстро!

Девчонки, приподнявшись на локтях, глазели на меня с любопытством. Мальчишка-рыболов выдернул из воды крошечную тюльку, она блеснула на солнце...

Я сунула мокрые ноги в спортивные тапочки. Под пятку подвернулся камушек, кольнул, будто иголкой. Я зашипела сквозь зубы и, прихрамывая, на ходу переобуваясь, припустила по тропинке прочь от берега, к лагерю.

Возле административного корпуса стояла машина, синий «Опель». У скамейки топтался Макс Овчинин с белым пластовым кульком в руках, но мне было не до Овчинина; я взбежала по бетонным ступенькам крыльца. Начальник лагеря был пенсионер, не очень старый, раньше работал прорабом. К нам он очень неплохо относился, с юмором во всяком случае. Но сейчас я его не узнала.

Он стоял посреди своего маленького кабинета — остатки волос дыбом, лицо бледное, губы крепко сжаты. Когда я вбежала в распахнутую дверь — без стука, надо сказать, в мятых шортах, тапочки и ноги по колено в пыли, — он уставил-

ся на меня, будто впервые видел. Будто только что узнал про меня, что я не девочка, а оборотень-террорист.

— Здравствуйте, Игорь Борисыч... Что случилось?

— Вот она, — сказал начальник очень холодно, и вовсе не мне.

Тогда только я заметила, что у окна, в кресле, сидит еще один человек — против света, так что я видела только его силуэт. Гладко причесанные волосы. Плотнo прилегающие к голове уши. Очень прямая осанка — как у военных в старом кино.

— Вот Лапина Елена. Я так понимаю, необходимо присутствие родителей? Адвоката? Как-то так, если по закону?

У начальника дрожал голос. То казалось, что он в ярости. То — наоборот, что он очень испуган и с трудом прячет страх.

— Адвоката? — переспросила я тупо. — Что случилось? Моя мама звонила?

— Да что ты строишь дурочку! — вдруг взорвался начальник, таким раздраженным я его никогда еще не видела. — Не понимаешь, да? Взяли твою подельницу, с которой ты квартиры чистила! Она на тебя навела, при обыске все нашли!

— При обыске?

Я поняла, что схожу с ума. Наверное, перегрелась на солнце. Валяюсь сейчас на берегу, вокруг хлопочут перепуганные девчонки... А я потеряла сознание как раз в тот момент, когда мне померещилось, что меня окликнул охранник...

— К нам приехал оперуполномоченный по делам несовершеннолетних, — глухо сказал начальник. — Вот, с ним разбирайся.

Я посмотрела на темный силуэт напротив окна. Мужчина был в штатском. Я по-прежнему не могла разглядеть его лица.

— Так что, звонить родителям? — все так же глухо спросил начальник.

— Сперва мы побеседуем с гражданкой Лапиной, — сказал мужчина у окна. — Есть у вас свободное помещение?

* * *

Библиотека в такой час пустовала. Было очень жарко и пахло книгами. Форточка с треснувшим стеклом едва цедила свежий воздух.

— Спасибо, — сказал оперуполномоченный начальнику. — Можете идти.

Тот помялся и вышел, прикрыв за собой дверь. Я посмотрела наконец-то в лицо этому самому оперу.

Он был очень бледный. С очень светлыми волосами. С черными, необычно черными глазами на узком лице. В черном костюме и черной рубашке, перехваченной у шеи черным галстуком.

Он был молодой. Странно молодой для опера, пусть даже и по делам несовершеннолетних. Но одежда, повадки, манера смотреть делали его старше. А держался он так, будто у него двести лет рабочего стажа.

И он был мне знаком.

Минуту мы смотрели друг на друга. Я знала его, я его раньше видела... При каких-то не очень приятных обстоятельствах...

— Ты не изменилась. Это хорошо.

Я нащупала стул и села.

Прошло четыре месяца со времени моего последнего визита в Королевство. Там время идет быстрее.

— Сколько тебе лет?!

— Маги вне возраста, Лена. Не мучай себя подсчетами.

— Максимилиан, — простила я.

Это был он — мальчишка-маг, некромант, которого я несколько раз спасла от смерти. Который и меня когда-то спас, но перед этим — предал, бросил на верную гибель, даже не поморщившись. Вот уж такого гонца из Королевства мне никогда не хотелось бы здесь видеть.

Он ухмыльнулся уголками тонкого рта.

— Что, не рада?

— Нет!

— Зря. Потому что ты — опасная несовершеннолетняя преступница, и твоя судьба в моих руках.

— Ври, да не завирайся, некромант.

— Ты как разговариваешь со старшими? — Он ухмыльнулся шире, блеснул белыми острыми зубами.

Я сжала кулаки. В прошлую нашу встречу он был чуть младше меня, но уже тогда смертельно опасный. Чего от него ждать теперь, да еще здесь, в моем обыденном мире — я понятия не имела.

— «Оперуполномоченный по делам несовершеннолетних»... — я говорила нарочито медленно, выкраивая себе время на размышление. — Такая должность в природе существует? Ты уверен?

— Главное, чтобы они, — Максимилиан кивнул на дверь, — были уверены. А я умею убеждать, — и он снова ухмыльнулся.

Я набрала в грудь воздуха — и не нашлась, что ответить. Слишком внезапно свалилось несчастье, еще полчаса назад я мирно дремала у речки... Что некромант может мне сделать? Как мне защищаться?

Как он сюда попал?!

Только опытный, могущественный маг может ходить между мирами. Помнится, у Гарольда, моего друга, были с этим проблемы... «Только в свой мир всегда легко возвращаться», — так говорил Оберон. Король Оберон! Вот у кого есть управа на Максимилиана. Вот кого должен бояться самозванный опер!

— Его величество не предупредил, что ты явишься, — сказала я небрежно. — Что ему передать?

У него что-то изменилось в глазах. Мне на секунду показалось, что имя Оберона отрезвило некроманта, и теперь он не посмеет больше надо мной издеваться. Как бы не так; Максимилиан задрал подбородок:

— Не предупредил? Еще бы. Его величество ничего тебе не сообщает о делах в Королевстве. Не считает нужным.

Некромант попал в больную точку. Я часто обижалась на Оберона за его, как мне казалось, равнодушие. Стоит мне оказаться в своем мире, как обо мне забывают: спасибо, Лена, свободна, можешь идти.

— А относительно «что передать», — продолжал Максимилиан, с удовольствием за мной наблюдая, — так ведь король тебе не звонит. И у тебя нет с ним связи. Он великий

волшебник, ходит между мирами, как ты между ванной и кухней. Хотел бы — оставил бы ниточку.

С превеликим трудом я взяла себя в руки. «Я некромант, — сказал когда-то Максимилиан. — Где ты видела, чтобы некроманты были хорошими?» Не стоит верить чужим ядовитым словам. Даже когда они кажутся справедливыми.

— Зачем ты пришел?

— Повидать тебя.

— Очень рада. Оболгал меня, ославил, выставил какой-то воровкой... Не думай, что это тебе сойдет с рук.

Он поднял брови.

— Да! — сказала я с вызовом. — Здесь тебе не... не замок принца-деспота! У тебя и документов нет, ты самозванец! В любом отделении милиции тебя раскусят, как орешек!

— Ты уверена?

— Посмотрим!

Я старалась быть дерзкой и спокойной, но на самом деле боялась все сильнее. Начальник лагеря уже наверняка позвонил маме. Рассказал весь этот бред. И мама, сорвавшись с работы, примчится... Она, конечно, моим словам поверит, но неужели мне придется доказывать еще кому-то, что я не грабительница... Погодите, а что он там говорил про обыск?!

— Ты врал про обыск?

— А ты как думаешь?

— Врал, — сказала я, и голос дрогнул. А что, если нет? Если некромант обуздал неведомые силы в моем собственном мире? И сейчас у нас дома в самом деле идет обыск, и у меня из-под свитеров в шкафу вытаскивают украденные чужие вещи?!

— Твоя поделница учится в вашей школе, — мягко сказал Максимилиан. — Ты вынимала ключи из карманов пальто в гардеробе, а потом вы вместе шли и обворовывали квартиры, когда точно знали, что там никого нет. И клали ключи на место. Отлично срабатывало, пока вас наконец не увидела соседка...

— Это бред и неправда, это легко проверить!

— Легко, — он кивнул. — Соседка тебя узнает. А эта девочка, с которой ты ходила на дело, Зайцева Людмила...

— Зайцева?!

Я поняла, что сейчас зареву. Он громоздил клевету на клевету, но делал это так спокойно и уверенно, что я мало-помалу убеждалась: это правда. Некромант на такое способен.

— Если бы у нас был обыск, мать бы уже прибежала сюда...

— А если она дает показания и не может отлучиться? Звонит тебе... Где твой мобильник, выключен?

Я маг дороги. Боевой маг. У меня нет посоха, но дать себя раздавить, как трухлявый гриб, — недостойно моего звания. А Максимилиан был близок к этому. Очень близок.

— Я тебе не верю. Ты... Чего тебе надо?!

У него были черные глаза. Очень черные на белом лице.

— Ленка, ты нужна в Королевстве. Именно сейчас. По-этому я пришел, чтобы тебя забрать.

— Что... Да ты что... Пошел ты на фиг!

— Послушай, дело очень плохо. Идет нашествие Саранчи, это такие пустынные варвары. Их сотни тысяч, они сровняют все с землей и камня на камне не оставят.

Он говорил очень серьезно, глядя мне прямо в глаза.

— Что ты... опять врешь, да?!

— Нет.

— А Оберон...

— С Обероном особая история. Он... его нет дома. Вместо него сейчас Гарольд. Я предлагаю Гарольду союз, а он не хочет.

— Потому что ты обманщик и негодяй!

— Нет, потому что я некромант. А у Гарольда предрас-судки.

— Просто он умнее!

— Гарольд? Умнее? Не смей меня. Он смотрит на мир вот так, — Максимилиан сложил из ладоней что-то вроде лошадиных шор. — Узко. Ты нужна в Королевстве, во-первых, как союзник, а во-вторых, чтобы убедить твоего друга Гарольда: я достоин доверия.

— Ты? Достоин доверия?! Да что ты делаешь-то со мной! Ты же...

— Пойдем в Королевство — сейчас. Вернемся — все по-правим.

— Вот, — я свернула из пальцев фигу. — Вот так я купилась на твои враки.

— Зря. Потому что я говорю правду. А Саранча в трех переходах от столицы.

— Не верю!

— Что, не идешь в Королевство?

— Нет!

— А если я засажу тебя в колонию для несовершеннолетних?

Я сглотнула.

— Найди себе дохлую крысу и ее запугивай. Я плевать на тебя хотела, Максимилиан. Я раньше тебя побеждала — всыплю и сейчас.

— Прямо-таки всыплешь?

— Иди на фиг!

— Жаль, — он отвернулся. — Тебя как по отчеству? Васильевна?

— Александровна!

— Счастливо оставаться.

Он потянул на себя скрипучую дверь библиотеки. Тут же выскочил из кабинета начальник. Я слышала, как Максимилиан говорит с ним в коридоре.

— Ошибка вышла, — сказал Максимилиан. — Приношу извинения от имени всей милиции. Та девочка — Лапина Елена Викторовна, а эта — Елена Александровна, случилось досадное недоразумение. До свидания.

И ушел, оставив начальника стоять столбом.

Только через несколько секунд, когда внизу уже завелась машина, начальник пришел в себя и завопил:

— Да как же так можно! Да это же... Я ее родителям уже позвонил! Вы что делаете!

Машина укатила. Притормозила в воротах, чтобы дать дорогу белым «Жигулям», на которых приехала в лагерь моя мама.

* * *

Она так кричала на начальника, что мне сделалось его жалко. Мама требовала имя, фамилию, отчество опера, номер его удостоверения, еще что-то, а начальник ничего этого

не помнил, хотя опер — совершенно точно! — показывал ему документы. Мама кричала, что ее чуть не хватил инфаркт, что она уехала с работы, что она заплатила водителю, что она все это вычтет из зарплаты начальника и еще сверх того, потому что ребенку нанесена моральная травма. Сбежались все ребята и девчонки, и было очень неприятно, что Макс Овчинин тоже стал свидетелем этого скандала.

— На тебе, знаешь, лица не было, когда ты к корпусу подбегала, — он почему-то казался виноватым. — Я перепугался, честное слово.

— Разговор слышал?

— Нет... А опера видел. Странный мужик. Весь в черном — и белый-белый... На вампира похож.

— Близко, — признала я невесело. — Он некромант.

— Что?

Тут нас прервали — мама заявила, что забирает меня домой. Я хотела было возразить, но передумала — смены-то осталось два дня, а мама так расстроилась из-за этой дурацкой истории, что не хотелось с ней еще и спорить. Начальник сопел, как побитая собака; ему, человеку честному и ответственному, досталось ни за что ни про что, но как его утешить, я не знала.

Ребята и девчонки так жалели, что я уезжаю, что мне даже сделалось лестно. История о том, как полоумный мент сперва обвинил меня в убийстве целой кучи народу, а потом сказал, что обознался, будоражила и поварих, и уборщиц, и воспитателей, и физрука. А я бросала вещи в чемодан, как в замедленной съемке, и все пыталась сообразить: это было на самом деле? Мне не приснилось? Максимилиан?!

* * *

Верить некроманту нельзя, даже если он говорит правду.

За десять дней в лагере я успела отвыкнуть от собственного дома. Комната показалась меньше, кухня, наоборот, больше; братья подросли и даже, кажется, поумнели. Привычный мир обступил меня, будто желая отвлечь, развеять, вытеснить у меня из головы все мысли о Максимилиане и Королевстве.

Что там говорил этот бледный сморчок?

«Идет нашествие Саранчи, это такие пустынные варвары. Их сотни тысяч, они сровняют все с землей и камня на камне не оставят...»

Волшебному Королевству время от времени приходится за себя постоять. Людоеды, пираты... разбойники... враги. На то в Королевстве есть воины, есть стражники, есть маги дороги... и король Оберон, великий волшебник, умеющий летать и ходить между мирами. С ним ничего не страшно, любые враги разбегаются от одного его имени. Пусть в самом деле идет Саранча — Оберон что-нибудь придумает...

«Он отлучился по личному делу».

Нет у Оберона никаких личных дел! Когда Королевству грозит опасность — Оберон не может его оставить! Это просто невозможно!

Врал некромант, врал. Вот только зачем? Зачем ему пробираться в наш мир, искать меня, устраивать весь этот цирк? Только затем, чтобы поиздеваться?!

Я вяло разбирала чемодан, прислушиваясь к воплям братьев, играющих на балконе в настольный хоккей. Вдруг наткнулась на железный браслет, которому завидовали все девчонки в лагере. Браслет подарила мне Стелла; как я могла о ней забыть?!

Стелла и Саша поженились в мае, и Саша чуть не провалил весеннюю сессию. Он студент авиационного института, закончил третий курс; родители сперва не очень-то радовались его «реактивной» женитьбе, но Стелла им так понравилась, что они приняли ее, как родную дочку.

Я босиком прошлепала в коридор, сняла телефонную трубку и набрала номер по памяти.

— Добрый день, можно Стеллу? Это ее знакомая...

— Добрый день... Стеллочка, тебя к телефону!

Я услышала далекие веселые голоса и звон посуды. У Саши очень добрые, простые родители; они понятия не имеют, что их невестка — сказочная принцесса из Королевства, а сын — подмененный в младенчестве принц. Это не мешает им жить дружно и счастливо в трехкомнатной квартире.

— Алло, — сказала Стелла. Трудно представить, что еще недавно она понятия не имела, что такое телефон.

— Привет, это я, Лена, — пробормотала я, на всякий случай прикрывая трубку ладонью. Петька и Димка совсем уж расшумелись на балконе.

— Привет! — Стелла обрадовалась. — А мы были на море! Знаешь, там пароходы на электрических моторах!

— Ага, — сказала я. — Здорово... Скажи, из Королевства нет вестей?

— А еще там маленький замок над обрывом, совсем маленький, но настоящий, а под ним... Из Королевства?

— Ну да.

— Ну... Его величество звонил на прошлой неделе. Просил передать тебе привет. Я тебе перезванивала несколько раз, но тебя не было дома. А мобильный не отвечал...

Мобильный не отвечал.

Ну разумеется. Пока я сидела по горло в теплой воде, пока загорала на травке, слушая ленивый звон колокольчика, мобильник в сейфе у начальника лагеря лежал отключенный...

— Лена? Ты слушаешь? Его величество хотел с тобой поговорить, но твоя мама сказала, что ты отдыхаешь.

Оберон хотел *со мной* поговорить...

— Лена? Ты чего молчишь?

— В Королевстве что-то случилось?

— Нет, что ты. У них все в порядке.

У них все *было* в порядке на прошлой неделе. По меркам Королевства — несколько месяцев назад.

— Понятно, — я проглотила горькую слюну. — Спасибо, Стелла.

— Лена, ты расстроилась, что ли? Он еще перезвонит!

— Конечно, — сказала я очень глухо. — Перезвонит... Будь здорова, Стелла. Привет Саше.

ГЛАВА 2

ПЛОХИЕ НОВОСТИ

Оберон не оставил мне телефонного номера. Никакого способа, чтобы с ним связаться в случае надобности. Хотя великий маг и ходит между мирами, как я из кухни в ван-

ную... Ядовитые слова Максимилиана засели во мне, будто ржавый гвоздь.

Некромантам верить нельзя!

А что делать, если Максимилиан не соврал? А вдруг Королевство в самом деле окружено врагами, а Оберона почему-то нет на месте?!

Он сказал: «Саранча в трех переходах от столицы...» Значит, пока мама орала на начальника, пока машина катилась от лагеря к дому, пока я говорила со Стеллой... В Королевстве время идет быстрее... За эти несколько часов, наверное, столица уже пала, орда пустынных варваров раскатала ее по бревнышку, и остались только камни и пыль. Все пропало, Королевства больше нет!

В какой-то момент мне сделалось так пусто и тоскливо, как бывало всего несколько раз в жизни. Ни о чем больше не думая, я отправилась на кухню. Что-то кричали Петька и Димка — я их не слышала...

Щелкнул выключателем электрический чайник. Я вдруг вспомнила: Максимилиан! Когда маг переходит из одного мира в другой, в его родном мире время замирает. Если Максимилиан еще здесь, у нас, — в Королевстве застыли мошки на лету, замерли реки и ветер, и следующее мгновение все никак не наступает...

А значит, есть шанс.

Зазвонил телефон. Я кинулась к нему в полной уверенности, что это некромант. Разумеется, ему верить нельзя, но...

— Алло! Ленка?

Веселый хрипловатый голос в трубке. Ритка, подружка и одноклассница.

— Мне Макс звонил! Что там у тебя за история с полоумным опером?

— Да так, — промямлила я.

— Слушай, я сейчас в парк иду! Пошли со мной, а?

Зажав телефон плечом, я подошла к окну на кухне. Солнце, склоняясь, из жгучего превращалось в ласковое, и до темноты было еще далеко. На всех скамейках сидели парочки, малыши облепили детскую площадку, как муравьи — медовый торт.

— В парк? Э-э-э... Знаешь, у меня как-то... надо чемодан разобрать, стирка...

— Брось! Убежит твой чемодан за пару часов?

Разумеется, можно никуда не ходить, весь вечер сидеть дома и горевать о Королевстве, гадать, соврал некромант или нет. Можно постучать головой о стенку — авось решение найдется само. Можно еще раз позвонить Стелле... Если она не ушла куда-нибудь в кино со своим драгоценным Сашей.

— Лена? Ты заснула?

— Нет, — я прокашлялась. — В парк, говоришь?

* * *

В парке было здорово, свежо, но я почти сразу пожалела, что дала себя уговорить. Ритке, видите ли, купили новый мобильник, она нащелкала сотню фотографий и взялась мне показывать все подряд. Ритка, ее брат, цветы, жуки на песке, какие-то незнакомые люди, опять Риткин брат — мне быстро все надоело, но сказать об этом я не решалась. Ритка болтала, делала круглые глаза, давала мне прослушать мелодии, посмотреть видео, которое она сама сняла, — неплохие клипы, но очень уж длинные. Ритка объяснила, что в ее мобильнике стоит чип с дополнительной памятью, и можно снимать почти настоящий фильм...

В разгар Риткиных объяснений я вдруг услышала топот.

Они налетели сзади — два пацана лет по шестнадцати. Один свистнул мне прямо в лицо, а другой в это же время выхватил мобильник у Ритки из рук. Ритка закричала, в ее вопле было больше возмущения, чем страха, а грабители уже неслись дальше по аллее, и, как назло, никого больше рядом не было...

Мы, не сговариваясь, кинулись вдогонку. Добежали до места, где аллеи расходились веером, и остановились. Ритка плакала в голос. Какая-то женщина подошла спросить, что случилось; узнав, начала ругаться на чем свет стоит. Она видела, оказывается, этих бегущих парней, они перемахнули в конце аллеи через живую изгородь — и все, их уже и след простыл.

В парке темнело. Влюбленные целовались на лавочках, компании пили пиво, на нас смотрели с интересом и сочувствием, а помочь ничем не могли. Даже не пытались.

Мы сели на скамейку. Ритка редела, не скрывая слез. Я сама чуть не плакала — было очень обидно и противно. Гадко на сердце от своей беззащитности.

Если бы в Королевстве кто-то посмел ограбить мою подругу! Там у меня есть посох, я умею убивать взглядом... наверное, умею, не пробовала. По крайней мере, оглушить врага мне по силам. А здесь... Я даже Ритку ничем утешить не могу. Какое может быть утешение?

В эту минуту на аллее появился еще один гуляющий. Несмотря на теплый вечер, он был весь в черном: черная рубашка с наглухо застегнутым воротом. Черные вельветовые брюки. Черные кроссовки. Он остановился напротив нашей скамейки и сделал вид, будто только что нас заметил. Церемонно поклонился, как танцор:

— Добрый вечер, девушки... Что случилось?

Я обмерла. Я, оказывается, очень ждала, чтобы он появился снова, и теперь страшно обрадовалась... и испугалась. Я теперь очень боялась его, проклятого Максимилиана.

— Мобильник отобрали, — сказала я как могла равнодушно. — У Риты.

Он сел рядом — с Риткиной стороны:

— А номер ты помнишь?

Номер был простой и стильный — Ритка им гордилась. Прежде чем я успела вмешаться, она продиктовала Максимилиану десять цифр; он вытащил из кармана свой потрепанный телефон и, что-то непрерывно бормоча, стал нажимать кнопки.

Откуда у него телефон? Откуда он вообще знает, что такое мобильник?!

— Зачем? — Я хотела промолчать, но не удержалась. — Они уже выключили трубку! В лучшем случае тебя пошлют...

— Куда? — заинтересовался Максимилиан.

— Объяснить?

— Не надо... Как говорил один человек, меня никто не

может послать, это я посылаю... Как вы думаете — они в парке или уже сбежали?

Я открыла рот, чтобы сказать, что грабители не только сбежали, но и сдать успели телефон своему перекупщику. И в этот момент в глубине парка, за живой изгородью, заорали так, что мы с Риткой подпрыгнули.

Прохожие завертели головами. Многие испугались. Максимилиан тронул меня за плечо. Я обернулась и увидела парня, который летел по аллее, выпучив глаза, и орал не переставая. Он пытался сорвать с себя футболку, и на бегу разорвал ее почти надвое, а за ним несясь второй: кажется, его тошнило. Они пробежали мимо нас, один врезался в столб, другой опрокинул урну и свалился сам, вскочил, и оба умчались, топоча и воя.

— Это они? — не веря себе, спросила Ритка. — Те самые... А что с ними?

Мы переглянулись с Максимилианом.

— У них проблемы, — кротко сказал некромант. — Злодеи наказаны, но телефона, увы, не вернуть. Лена, уже поздно... Не проводить ли вас домой, девушки?

* * *

Ритка вообще-то далеко не дура. Но, по-моему, она втрескалась в Максимилиана за те двадцать минут, что мы шли от парка до нашего двора. Забытым оказался даже мобильник: Максимилиан вешал Ритке лапшу, а она радостно принимала ее на благодарные уши, и сама что-то рассказывала, и даже, по-моему, цитировала какие-то стихи. На меня Максимилиан вообще не смотрел.

К счастью, во дворе нам встретилась Риткина мама. Она волновалась, потому что мобильник дочки не отвечал. Ритка принялась оправдываться, мать увела ее домой, ругая и сочувствуя одновременно. Мы остались с Максимилианом.

— Присядем? — Он кивнул на скамейку перед подъездом. Памятная скамейка; на ней я разговаривала с Обероном, и он впервые рассказал мне о Королевстве. На ней встрети-

ла Гарольда, молодого королевского мага, когда тот пришел, в свою очередь, звать меня на помощь.

И вот теперь — Максимилиан.

— Что ты сделал... в парке?

— Превратил в клопа этот несчастный мобильник. В очень большого клопа. По весу и размеру — один к одному.

— Ты можешь превратить мобильник в клопа... Что еще ты можешь? Здесь, в нашем мире?

— Кое-что могу, — ему было приятно на меня смотреть, ему нравилось, как я борюсь со страхом. — Я ведь очень серьезный маг, Ленка. Гарольду рядом со мной просто нечего делать.

— Ты в чужом мире...

— Я *езде* в своем мире. Мне везде хорошо. Только за Ведьминой печатью мне было плохо, но оттуда я, с твоей помощью, выбрался...

— И отблагодарил, — сказала я желчно.

— Ну, прости, — он улыбнулся и сразу сделался таким милым, ласковым — плюшевый зайчик, а не некромант. — Я хотел сразу тебя убедить. Без этих вот просьб и уламываний... Я думал, будет забавно. А ты почему-то не оценила.

Он ухмылялся во весь рот, и, глядя на него, я поняла: он в самом деле считает свою придумку с «оперуполномоченным» веселой, удачной шуткой.

— Если ты такой серьезный маг, почему бы тебе не найти телефон и не вернуть его Ритке? — спросила я, разглядывая его черную рубашку из очень плотной ткани, с двумя нагрудными карманами. — Если ты такой... крутой?

— Потому что это скучно, Лен. Правильно и скучно. Кроме того, если бы все украденные мобильники превращались в больших клопов, разве это не было бы справедливо? Разве это не правосудие?

Я все больше узнавала прежнего Максимилиана. Мне было неуютно сидеть с ним рядом на скамеечке.

— Что ты там говорил... про Саранчу?

— Ах, ты все-таки вспомнила... Королевству грозит опасность, причем на этот раз — смертельная. Сотни тысяч вои-

нов, верхом на многоногах, во главе князь Саран, и, насколько я знаю, еще ни одна крепость перед ними не устояла.

— А воины, стража? Армия Королевства?

— Ты же видела эту армию, — он снисходительно улыбнулся. — В Королевстве несколько десятков стражников. Это для мирного времени. В случае войны солдат приходится набирать среди крестьян, ремесленников, воров, желающих прославиться, и прочего сброда. Гарольд уже призвал под знамена всех, кто способен держать оружие... Но что значит эта кучка ополченцев против армии Саранчи? Разумные люди разбегаются из города, вместо того чтобы выйти на бой и неминуемо погибнуть.

— Ты врешь. — У меня пересохло во рту.

— «Врешь» и «Не хочу верить» — разные вещи, Лена.

— Я тебе не доверяю!

— Во-от, — он вздохнул. — Говоришь в один голос с Гарольдом. Он тоже мне, видите ли, не доверяет и не ищет со мной союза. Он послал гонцов к славному королю Уйме Первому, желает заполучить его в союзники...

— Уйма — король?

— С тех самых пор, как его папаша Охра Костегрыз насмерть поперхнулся вареной репой.

У меня от сердца отлегло — чуть-чуть. Кого-кого, а Уйму я хорошо знала и доверяла ему, как себе. Он человек надежный, хоть в прошлом и людоед.

— Гарольд прав, — сказала я некроманту. — Уйма приведет на помощь толпы людоедов... в смысле, бывших людоедов.

Максимилиан тонко усмехнулся:

— Вот-вот. Король Оберон в свое время объяснил им, что людоедствовать нехорошо. А придет князь Саран — и освободит их. То есть объяснит, что они свободны кушать, кого захочется. И как ты думаешь, на чью сторону эти толпы сразу же перейдут?

— Уйма не допустит.

— Конечно. Поэтому Уйму съедят первым.

Был безветренный августовский вечер. Мальчишки играли в настольный теннис — под фонарем, в пятне света,

можно хоть всю ночь стучать целлулоидным мячиком. Ромка со второго этажа сидел с гитарой прямо на траве. Окна светились — люди пришли домой, ужинают... Все так мирно, обыденно, тихо...

— А Оберон? Ты сказал...

— Оберона нет в Королевстве.

— Почему?

— По кочану! Если бы он был на месте — думаешь, я бы решился за тобой идти?!

Я потрясла головой. Максимилиан странно на меня действовал: я тонула в его доводах, как в киселе. Надо было собраться; я не маленькая девочка против взрослого человека — я маг дороги против другого мага, некроманта, у нас разговор на равных, и я не позволю сбить себя с толку.

— Первое, — я принялась загибать пальцы, — Оберон никогда не бросит Королевство без присмотра. Второе: если Оберон находится в другом мире, в Королевстве останавливается время. Третье: Гарольд — главный королевский маг, и он, когда Оберона нет, принимает решения без чужой подсказки. Четвертое: Уйма верный союзник Королевства, а ты некромант, человек, не заслуживающий доверия. Пятое: забыл, как ты меня бросил в замке принца-деспота?

— Шестое: забыла, как я тебя потом вытасил?

Он, кажется, начал злиться. Меня это немного успокоило: вечная его улыбочка раздражала, как скрип железом по стеклу. Когда он злился, он казался моложе. Сейчас, при свете фонаря, я разглядела, что он не взрослый — ну, не такой взрослый, каким хочет казаться. Странно, что начальник лагеря вообще поверил, что парень лет семнадцати может быть старшим оперуполномоченным. Наверное, Максимилиан его околдовал... а может, просто очень уверенно держался.

— Первое, — он смотрел на меня исподлобья, — Оберона нет в Королевстве. Второе: поскольку он не ушел в другой мир, то и время не остановилось.

— Значит, пока мы здесь с тобой говорим, там к городу подступают враги?!

— Нет! Сейчас-то я в другом мире, а я стал частью Королевства, так что, пока я тут сижу, гуляю, уговариваю тебя,

разыскиваю краденые мобильники, — там время стоит. Когда ты будешь в Королевстве — остановится время здесь, у тебя дома.

— Я знаю.

— Всезнайка, — он хмыкнул. — Я прошу тебя об одном: пойдем в Королевство. Сама все увидишь.

Распахнулось окно у нас на кухне. Выглянула мама, глубоко вздохнула, уставилась на нас с Максимилианом.

— Лена! — кажется, она даже растерялась. — Мы уже поужинали! Ты идешь домой?

Это означало: «С кем это ты сидишь? Он не похож на приличного парня! Посмотри, какой бледный, наверное, наркоман!»

— Иду! — крикнула я. — Сейчас!

Мама прикрыла окно, но не ушла — все поглядывала на нас. Максимилиан казался ей подозрительным. Хорошо, что она не знала, кто он такой на самом деле.

— Максимилиан, — ради мамы я старалась выглядеть беспечной, — ты себя повел как мерзавец. Прямо сегодня. И после этого хочешь, чтобы я тебе доверяла?!

— Не доверяй, — он отвернулся, не скрывая раздражения. — Не доверяй, оставайся дома. А я могу спрятаться и пересидеть. Королевство мне не родное, чего ради я стараюсь?

— Куда девался Оберон?

— Иди в Королевство и все узнаешь.

— Король и великий маг не может провалиться, будто иголка в щель!

— Пойдем со мной — сама увидишь.

— Ты меня заманиваешь. Не пойду.

Он обернулся ко мне. В его глазах была такая злость, что я отодвинулась.

— Ну и ладно. Поговорили, теперь иди, ужинай! Завтра утром, когда проснешься, Королевство будет лежать в руинах. Пока!

Он поднялся и пошел к выходу со двора. И было совершенно ясно, что на этот раз он не вернется.

— Макс! — рявкнула я ему в спину.

Он даже ухом не повел.

— Стой!

Он вышел на улицу. Мама снова раскрыла окно. Не дожидаясь, пока она вмешается, я бегом кинулась за Максимилианом; воображаю, как это выглядело со стороны, но в этот момент мне плевать было, кто что подумает.

— Стой, некромант!

Соседка тетя Света, проходившая мимо, посмотрела на меня удивленно. Максимилиан повернул голову, но шага не замедлил. Я пошла с ним рядом; у меня горели щеки.

— Ладно. Проведи меня в Королевство — сейчас! И если ты обманул меня — или обманешь, или выкинешь какую-то штуку... берегись.

ГЛАВА 3

КАТАСТРОФА

В Королевстве тоже был летний вечер. Я зажмурилась: после сумерек моего родного мира предзакатное солнце слепило глаза. Мы с Максимилианом стояли на холме; под ногами пружинила изумрудно-зеленая трава, где прятались кузнечики, похожие на фей, и феи, похожие на кузнечиков. Тянулись к небу сосны. Позади, за нашими спинами, сплетались ветками толстые дубы, их стволы казались бородами от буро-зеленого мха. Вьюнки увивали и землю, и ветки, в густой зелени яркими пятнами горели цветы. Впереди стоял замок, упираясь шпилями в небо, а ниже, в долине, широко раскинулся город: он стал вдвое больше с тех пор, как я в последний раз его видела. Сверху, с холмов, спускалась широкая речка, у нее было имя — Ланс. Река впадала в море, покрытое белыми барашками, а между городом и морем был огромный порт.

Мое Королевство, как же я по тебе соскучилась!

Максимилиан стоял, подавшись вперед, и смотрел на замок. Ноздри у него дрожали, будто он принюхивался. У него было в этот момент такое хищное лицо, что я первым делом решила вернуть себе посох.

— Идешь в замок? — Некромант будто прочел мои мыс-

ли. — Иди. Пройдись по городу. Поговори со старыми знакомыми. Поверь своим ушам и глазам. Учти только: времени мало.

Он так странно улыбнулся, что у меня сердце защемило. Как будто впереди меня ждала какая-то скверная неожиданность.

— Да, и поговори с Гарольдом, — Максимилиан не сводил с меня черных неподвижных глаз. — Поручись за меня. Скажи, я дам клятву союзника.

Я подумала: это мы еще посмотрим. И еще: хорошо бы как-то отвязаться от Максимилиана.

— Я не пойду с тобой, — сказал он, отвечая на мой взгляд. — Все понимаю: у вас с Гарольдом приватный разговор...

Наверное, я выдала свое смущение и страх: мне показалось, что он читает мои мысли. Во всяком случае, Максимилиан, увидев мое лицо, расхохотался.

— Что смешного?

— Ничего... Просто я рад, что ты наконец в Королевстве. Теперь дела пойдут веселее... Ну, иди.

— Где тебя потом найти? — спросила я медленно.

— Сам тебя найду. Ну, не теряй времени!

Не переставая улыбаться, он подпрыгнул, превратился в большую черную птицу и, подняв крыльями ветер, улетел куда-то на закат.

* * *

Вот скотина. Он еще и оборачиваться птицей научился. Или раньше умел? Я ведь до конца не знала, что некромант может, чего не может — даже когда он был пацаном двенадцати лет. Чего ждать теперь?

Солнце опускалось все ниже. Я двинулась к замку — широкими шагами, вниз по склону холма. На мне были джинсы, кроссовки, рубашка с короткими рукавами — как я гуляла с Риткой в парке, так и брела сейчас среди сосен, а между тем вечер обещал быть прохладным.

Или меня знобило?

Очень хотелось увидеть Оберона. Вот было бы здорово,

если бы, явившись в замок, я заглянула к нему в кабинет... А он поднялся ко мне навстречу, и даже крыса в передничке, Дора, на секунду перестала мести столешницу метелкой из связанных перьев. Он сказал бы: «Здравствуй, Лена!» И все бредни Максимилиана оказались бы враньем.

Или даже пусть так: некромант не врал, к городу действительно подступают полчища Саранчи. Оберон действительно был в отлучке... Но вовремя узнал об этом и вернулся. Тогда мы встанем плечом к плечу, как много раз вставали, и отобьемся хоть от Саранчи, хоть от колорадского жука.

Кто такие многоноги, на которых едут пустынные войны? Забыла спросить у Максимилиана... И, если честно, не больно-то хочется знать.

Лес вокруг шуршал, звенел, пялился на меня блестящими глазами из травы, и каждый пенек, казалось, провожал меня взглядом. Птицы размером с бабочку вились у меня над головой, а бабочки размером с крупную птицу замирали на цветах, расправив крылья. Я была совершенно одна и чувствовала себя не магом дороги, а заблудившейся девочкой в лесу Бабы-яги.

Потом я заметила скрюченную темную фигурку в кустарнике; кто-то бородатый, покрытый шерстью, объедал с куста красные ягоды. Я остановилась, готовая бежать или драться, но любитель ягод не обратил на меня никакого внимания — даже лохматой головы не повернул, а все так же продолжал лакомиться, потихоньку бормоча под нос.

Я пошла дальше, то и дело оглядываясь, и через несколько минут выбралась на проезжую дорогу.

* * *

Я вошла в город через северные ворота. Раньше здесь всегда стояла стража. Но теперь не было ни души — ни в воротах, ни на ближайших улицах. Город, такой основательный, обжитой, теперь оказался почти пустым. Безлюдье и тишина на улицах напугали меня сильнее, чем десяток Максимилианов.

Правда, ближе к центру люди стали попадаться, причем

многие, мне показалось, были пьяны. Кто крался, не поднимая головы, кто, наоборот, громко говорил и смеялся. Мне встретилось несколько повозок, нагруженных домашним скарбом, — люди, правящие лошадьми, не отрывали глаз от бульжника мостовой. Все они направлялись в нижнюю часть города, к выходу на большую дорогу, а может быть, в порт.

Я вышла на центральную площадь и остановилась перед Храмом Обещания. Я успела позабыть, какой он большой. Яркий купол почти не потускнел за прошедшие годы, сейчас он сверкал красным и золотым, отражая закатное солнце.

Но ведь королевское обещание давно выполнено. Почему до сих пор стоит Храм?

Огромные двери были приоткрыты. Вход никто не сторожил. Я поднялась на каменное крыльцо; прямо на ступеньках были высечены какие-то слова. Я присмотрелась.

«Музей Того, что Следует Помнить».

Уши мои, а не глаза, сказали мне, что внутри никого нет. Там царил особенная тишина очень большого помещения, пахло пылью и влагой, и было совершенно темно. Я зажмурилась, призывая ночное зрение, а когда открыла глаза, весь огромный зал предстал в серо-коричневом свете — без красок, но очень четко. Я могла различить каждую плиточку на мозаичном полу, каждую каплю влаги на бронзовом подсвечнике. Это действительно был музей, и я в жизни не видала ничего подобного.

В центре стоял макет дворца — точный, в мельчайших деталях. Напротив входа на больших рамах были натянуты гобелены. Один из них я узнала: мимо развалин, кое-где встающих из песка, шел караван. Впереди ехал человек на белом крылатом коне. Это Королевство в пути, а впереди — Оберон; мне страшно захотелось увидеть короля прямо сейчас.

Я присмотрелась. Раньше, когда гобелен висел во дворце, он выглядел лучше. Сейчас нитки потускнели, кое-где разлохматились, гобелен казался влажным. Я помнила, что прежде лицо короля было выткано в мельчайших деталях, а теперь его и разобрать-то не получалось. Может быть, потому, что я смотрела ночным зрением?

Содержание

У ЗЛА НЕТ ВЛАСТИ. <i>Роман</i>	5
СЛОВО ПОГИБЕЛИ № 5. <i>Повесть</i>	303